

МОСКОВСКИЙ СТИХОТВОРЕЦ ВЕНЕДИКТ БУТОРИН: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ И НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Общество московских поэтов последних десятилетий XVII века было весьма «пестрым» и по этническому, и по социальному составу. Наряду с признанными авторами из московской придворной элиты, существовал целый ряд стихотворцев, от которых сохранилось два-три достоверно атрибутированных им текста. Биографические сведения о них либо вовсе отсутствуют, либо очень скудны и, как правило, не позволяют соотнести этих авторов с определенными московскими кругами, а потому суждения об истоках и особенностях их творчества остаются предположительными. Особенно это касается версификаторов, писавших свои сочинения более архаичным неравносложным стихом в то время, когда получивший распространение изосиллабизм стал эстетической нормой не только для поэтической элиты, но и для авторов, не занимавших заметного места при московском дворе.¹ В архаических чертах творений ряда московских поэтов принято видеть прежде всего отголоски традиции поэтической «приказной школы» — этим наименованием А. М. Панченко обозначил литературное направление, которое сформировалось в Москве в первой половине XVII века в кругах профессиональных книжников, близких к московскому Печатному двору.²

К последователям традиции «приказной школы» принято причислять и московского стихотворца Венедикта Буторина.³ До настоящего времени достоверно ему атрибутировались два текста:

1) Послание в стихах и прозе патриарху Иоакиму (не позднее 17 марта 1690 года — дата смерти адресата).⁴ Послание, очевидно, дошло до патриарха Иоакима, поскольку сохранилось в беловом подносном списке, подписанном автором, в составе сборника, содержащего, в том числе, материалы из патриаршей канцелярии (БАН. 16.14.24. Л. 196—202).⁵

2) Виршевое «Слово на умиление души своей». ⁶ Текст сохранился в автографе, вписан Венедиктом Буториным полууставом на чистых листах в конце западнорус-

¹ О такой норме пишет, например, дьякон Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря Феофан в предисловии к своему переводу «Неба Нового» Иоанникия Галатовского: «Полагаются и у нас верши количеством силляб в три на десят и во едину на десять силляб, яко кто хочет» (см.: Буланин Д. М. Феофан // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 151—152).

² Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 33—62, 78—102.

³ Это имя впервые называется еще в XIX веке (см.: Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862—1720. СПб., 1857. С. 249); более подробные сведения о Венедикте Буторине, интерпретацию и публикацию известных на тот момент его текстов см.: Николаев С. И. Два стихотворца XVII века // *ТОДРЛ*. Л., 1985. Т. 39. С. 371, 376—378.

⁴ Издание виршевого фрагмента см.: Николаев С. И. Два стихотворца XVII века. С. 377.

⁵ См.: Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке ... графа Федора Андреевича Толстого / Изд. К. Калайдович и П. Строев; с палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825. С. 367—376; Описание Рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1965. Т. 3. Вып. 2: Исторические сборники XV—XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. С. 263—269.

⁶ Издание текста см.: Николаев С. И. Два стихотворца XVII века. С. 378.

ского сборника 60-х годов XVII века (РГБ. Ф. 310 (Собр. Ундольского). № 464. Л. 29 об. — 30 об.).⁷ На полях листов со стихами помещена запись: «Слог монаха Венедикта Буторина. Сие слово на умиление души своей сочинил на Москве у Пречистой Богородицы в Новодевичем монастырь препроводяи житием си, во иночество ту пострижен 32 лѣта, а слог сочинися 196 (1688) году марта в 14 день». Этой записью ограничивались до сих пор наши знания об авторе: он принял постриг в Москве на 32-м году жизни и в конце 80-х годов XVII века «препроводил житие» в Новодевичьем монастыре.

Дополнить библиографические сведения и пополнить круг сочинений стихотворца позволяют материалы еще одного сборника, владельцем которого был Венедикт Буторин (РГБ. Ф. 247 (Собр. Рогожского кладбища). № 657).⁸ Сборник также принадлежал ему в 80-е годы XVII века, во время его пребывания в Московском Новодевичьем монастыре, об этом говорят владельческие записи, а кроме того многочисленные выписки из книг и небольшие заметки, в том числе виршевые, которые он помещал на оставшихся чистыми листах рукописи, иногда сопровождая их датированными скорописными и полууставными подписями. Так, на л. 35—43 читается скорописная скрепа: «Книга / Пречистые / Богородицы / Новодевичья монастыря / старца / Венедикта / Буторина»; на л. 143 датированная запись сделана крупным полууставом с элементами вязи: «Лѣта 7195-го (1687) году августа в 13 день писал старец Венедикт Буторин». Скорописью владельца на л. 1—13 об. сделаны выписки из Пролога московской печати, Соборника, Толкового Евангелия и других книг. Той же скорописью и теми же чернилами записаны на л. 2 краткие вирши, причем не только кириллицей, но и латиницей на польском языке:⁹

1

Книга живота вѣчнаго ходатаица сия есть,
А что в ней писано, тое сам Господь Бог вѣсть.
Аще кто хочет премудрости и духовнаго богатства,
Той да потщится быти се <нрзб.> днѣмъ <нрзб.>

2

Tworiec wszystkie<go> świata
Stąpił z nie<ba> wo ostatniia lata <?>

К такому же роду кратких виршевых текстов-надписей относится не отмеченная ранее в сборнике Ундольск. 464 похвала любителям Божественного писания, помещенная Венедиктом Буториным на л. 10 после «Слова Иоанна Златоуста о молитве»¹⁰ и близкая ему по теме; тем самым вирши выполняют функцию поэтического послесловия к тексту:

⁷ Описание рукописи см.: Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870. Стб. 339—340.

⁸ Рукопись датируется концом 50-х — первой половиной 70-х годов XVII века, написана на разной бумаге на 233 листах в 4^е несколькими видами западнорусской скорописи; блок сшит и обернут куском кожи. Более подробные сведения о датировке и составе сборника см.: Савельева Н. В. Неизвестный перевод трактата «De imitatione Christi» Фомы Кемпийского в западнорусском сборнике XVII века // Славяноведение. 2018. № 2. С. 65—82.

⁹ Оба стиха записаны без разделения на строки, не завершены; края листа оборваны, текст имеет утраты.

¹⁰ Текст относится к разряду предположительно атрибутированных Иоанну Златоусту проповедей: *Иоанн Златоуст*. Слово первое о молитве // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1896. Т. 2. Кн. 2. С. 831—838 (см.: *Patrologiae cursus completus. Series graeca* / Ed. J. P. Migne. Parisiis, 1859. T. 50. Col. 775—780; *Clavis partum graecorum* / Ed. M. Geerard. Turnhout, 1974. Vol. 2. № 4516). Слово о молитве было напечатано в ряде экземпляров Острожского Часослова 1612 года, см.: *Запаско Я., Исаевич Я.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1 (1574—1700). № 87.

Божественная писания и словеса
Возводят любителей на небеса.
Аще кто в ня прилжно вникает
И совѣтуемая ими дѣлом исполняет,
Воистину не много таковый потрудится
Да много имат добра добиться.
Блажен человек, ищай вѣчных благ,
Таковый бывает Богу и человекѡм драг.

Как и в сборнике Рогожск. 657, в рукописи Ундольск. 464 скорописью Венедикта Буторина сделаны выписки не только кириллицей, но и латиницей из польских изданий, при этом иногда кириллические и латинские буквы в тексте путаются. Так, например, на пустых листах 4—5 об. читаются краткие выдержки, касающиеся римского папы Леона, царя Ираклия и папы Гонория, переписанные с одного из польских изданий «Деяний церковных и гражданских» Цезаря Барония;¹¹ выписки обозначены: «Из Борониуша выписано слово в слово ис полского», «iz Boroniusza». Таким образом, выписки и пометы владельца на листах обеих рукописей свидетельствуют о его двуязычии, характерном для жителей Киевской митрополии.

Состав сборников также говорит о том, что их происхождение напрямую связано с книжными традициями православных монастырей Киевской митрополии, прежде всего ее восточной части, с монастырями Белоруссии и пограничных Смоленских земель. В Ундольск. 464 читается «Изложение о православной вере» Стефана Зизания¹² в переводе на церковнославянский язык западнорусского извода, а стихи Венедикта Буторина помещены сразу после «Казания на Преображение» игумена Виленского Святодухова монастыря Леонтия Карповича, переписанного с издания 1615 года.¹³

Состав сборника Рогожск. 657 можно условно разделить на две части, «белорусскую» и «московскую», в рукописи они следуют друг за другом. «Белорусская» часть фактически связана с двумя произведениями, по-видимому, она восходит к архиву западнорусского автора иеромонаха Гедеона, игумена Бизюкова монастыря,¹⁴ и содержит подготовительные материалы к его книгам. Первый цикл текстов отражает некий этап допечатной истории «Книги о вере» иеромонаха Гедеона, изданной на московском Печатном дворе в 1648 году. На л. 14—102 об. выписаны с небольшими сокращениями избранные главы из киевского издания «Книги о вере единой» в редакции Захарии (Копыстенского), которое послужило одним из основных источников одноименного сборника иеромонаха Гедеона.¹⁵ Кроме того, на

¹¹ Книга издавалась на польском языке в Кракове в 1603 и 1607 годах, см.: *Estreicher K. Bibliografia polska. Kraków, 1891. Т. 12. S. 376—377.*

¹² Текст впервые издан в Вильне в 1596 году, о его происхождении и бытовании см.: *Корзо М. А. Украинская и белорусская катехизическая традиция конца XVI—XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007. С. 216—271.*

¹³ *Леонтий Карпович. Казание двое: одно на Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, другое на Успение Пречистое и Преблагословенное Владычицы наше Богородицы Приснодѣвы Марии. Евье, 1615. Л. 2—26 нenum.; см.: Левишун Л. В. Леонтий Карпович. Жизнь и творчество. Минск, 2001. С. 136—162.*

¹⁴ *Савельева Н. В. Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII века // Книжная старина. СПб., 2011. Вып. 2. С. 82—131.*

¹⁵ *Захария (Копыстенский). Книга о вере единой. Киев: Тип. Лавры, 1620. С. 1—60, 88—314; см.: Запаско Я., Исаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. С. 40—41, № 131; Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов... Киев, 1914. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1: Памятники литературной полемики южно-руссов с протестантами и латино-униатами в Юго-Западной Руси за XVI и XVII стол. С. 180—344; Неменский О. Б. Захария (Копыстенский) // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 19. С. 696—699; Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 250—251.*

л. 103—132 в рукописи Рогожск. 657 читаются три главы из самой «Книги о вере» игумена Бизюкова монастыря, но не переписанные с московского издания 1648 года, а отражающие ее допечатную историю и близкие по тексту и языку ее белорусским спискам (РГБ. Ф. 310 (Собр. Ундольского). № 427; РГАДА. Ф. 201 (Собр. Оболенского). № 34). В рукописи помещены главы, преимущественно представляющие собой не переработку какого-то одного источника, а самостоятельные компиляции иеромонаха Гедеона.¹⁶

В «белорусской» части сборника Рогожск. 657 на л. 134—153 читается также единственный список неизвестного ранее церковнославянского выборочного перевода трактата Фомы Кемпийского «De imitatione Christi». Перевод был создан до 1645 года, он ошибочно атрибутирован переводчиком византийскому святому Фоме Малеину («Преподобнаго отца нашего Фомы, иже в Малеонстѣи горѣ. За Христом Господом»). Текст этого перевода был использован иеромонахом Гедеоном при подготовке сборника «Альфа и Омега», в котором находятся выдержки из трактата католического мистика Фомы Кемпийского, надписанные именем византийского святого Фомы Малеина.¹⁷ Таким образом, западнорусское происхождение первой части сборника Рогожск. 657 не вызывает сомнения.

Подборка статей второй, «московской» части сборника (с л. 154, после пусто-го листа), несомненно, заслуживает специального исследования. Тексты здесь написаны несколькими видами белорусской скорописи и принадлежат украинским и белорусским авторам, но, наряду с выписками из киевских изданий «Ключа разумения» Иоанникия Галятковского (1659) и «Меча духовного» Лазаря Барановича (1666), большая часть текстов имеет непосредственное отношение к московскому происхождению сочинений южно- и западнорусских авторов или к истории их обращения в Москве. Например, здесь переписаны две московские проповеди Епифания Славинецкого «О благоговейном стоянии в храме» («О молитве», л. 211)¹⁸ и «О чистоте» (л. 217),¹⁹ но особый интерес представляет цикл проповедей Лазаря Барановича, вошедших в его книгу «Трубы словес проповедных на нарочитые дни праздников». Проповеди («казания»), переписанные в Рогожском сборнике целиком и в отдельных фрагментах, отличаются от напечатанных в киевском издании 1674 года²⁰ и по языку, и по содержанию. По-видимому, присутствие этих текстов в сборнике из Новодевичьего монастыря каким-то образом связано с намерением Лазаря Барановича издать свою книгу в Москве, и они, несомненно, послужат ценным материалом для исследования допечатной истории его книги.²¹

¹⁶ См.: *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие... С. 244—251; *Савельева Н. В.* 1) Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон... С. 86—88; 2) К вопросу о допечатной традиции «Книги о вере» иеромонаха Гедеона, игумена Бизюкова монастыря: Из истории бытования списка М. А. Оболенского // *Старообрядчество в России (XVII—XX века)* / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М., 2013. Вып. 5. С. 24—27; *Казанцева Т. Г.* Глава 16 «Книги о вере». К вопросу об источниках // *Рукописи XVI—XXI вв.: Исследования и публикации.* Новосибирск, 2013. С. 23—44.

¹⁷ *Савельева Н. В.* Неизвестный перевод трактата «De imitatione Christi» Фомы Кемпийского... С. 75—76.

¹⁸ См.: Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской Духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание / Сост. А. Родосский. СПб., 1893. С. 129.

¹⁹ См.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1857. Отд. 2. Ч. 3. С. 172, 202; Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской Духовной академии... С. 128.

²⁰ *Запаско Я., Исаевич Я.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. № 518—519.

²¹ *Сумцов Н. Ф.* К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Лазарь Баранович. Харьков, 1885. Вып. 1. С. 53—57; *Rolland P. A.* «Nieskoro» prawi monsztuk do tych trąb otrzymacie»: On Lazar Baranovyc's «Truby sloves propovidnyx» and their Non-publication in Moscow // *Journal of Ukrainian Studies.* Edmonton, 1992. № 17, 1—2. P. 205—216; *Броджи Дж.* Лазарь Баранович в польской и церковнославянской ипостаси // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова.* М., 2006. С. 327—340.

Появление этих материалов в рукописи, бытовавшей в Новодевичьем монастыре, вполне объяснимо, как и сам факт попадания сюда белорусских сборников и отдельных белорусских текстов. Эти рукописи созданы в среде православного населения Киевской митрополии, которая сформировалась к середине XVII века в ее восточной части и в пограничных с Россией территориях.²² В 30—40-е годы XVII века здесь были восстановлены и вновь основаны ряд православных монастырей на территории современной Белоруссии (Буйницкий Святодуховский, Кутеинские женский Успенский и мужской Богоявленский, Борколабовский Вознесенский) и на смоленских землях, во владениях православной шляхты (Бизюков Крестовоздвиженский под Дорогобужем, позднее Герасимов Болдинский Троицкий и др.).²³ Все восстановленные и вновь созданные монастыри поддерживали связь друг с другом и объединялись в противостоянии униатам. В этом круге православных жителей Киевской митрополии московский патриархат признавался высшей церковной властью, в Москве принимали священство, у московского патриарха испрашивались антиминсы для восстановленных и новых церквей. Насельники этих монастырей и служители приходских храмов приезжали в Москву за милостыней и принимались в Москве гораздо менее настороженно, чем киевские ученые богословы и иерархи.²⁴ С середины 50-х годов XVII века большое число иноков и послушников этих монастырей, зачастую забрав с собой родственников-мирян, отправившись в Москву от тягот войны и преследования униатов; здесь беженцы расселялись большими колониями в монастырях: мужских — в Симонове, Андреевском, Иверском на Валдае; женских — в Саввинском и Московском Новодевичьем. Обители, в которых собрались колонии насельников-белорусов, поддерживали постоянные отношения друг с другом; особенно тесными были связи между Валдайским Иверским и Московским Новодевичьим монастырями, заселенными беженцами из Кутеинских (мужского и женского) монастырей. Иеромонахи Иверского монастыря, ставшего при покровительстве патриарха Никона центром белорусской диаспоры, служили в Москве и были духовниками в Новодевичьем монастыре.²⁵

С этой средой православных переселенцев из Западной Руси связано происхождение сборников, которыми владел Венедикт Буторин. Сборник Ундольск. 464 и «белорусская» часть Рогожского сборника, вероятно, были составлены из рукописей и отдельных тетрадей кутеинских и смоленских иноков («белорусцев») в Иверском монастыре и попали в руки Венедикта Буторина между концом 60-х — началом 80-х годов XVII века. Имя владельца достаточно редкое в московском обращении, а потому совокупность всех упомянутых реалий, история сборников, их палеографические признаки и языковые особенности помещенных в них записей дают веские основания для отождествления московского поэта со старцем Венедиктом и иеромонахом Венедиктом Буториным, упомянутым в ряде документов Иверского монастыря. Судя по всему, он мирянином прибыл в Москву из Западной Руси, на 32-м году жизни принял постриг в Москве в Андреевском монастыре. Из

²² Флоря Б. Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20-е — 40-е годы XVII в.) // *Revue des études slaves*. 1998. Т. 70. Fasc. 2. Р. 333—345.

²³ Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 231—236; Чистякова М. В. Монахины «с Белой Роси» в Новодевичьем монастыре. М., 2000. С. 43 (Труды ГИМ; вып. 116).

²⁴ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 79—94, 98—146; Флоря Б. Н. 1) Смоленщина и Московская Патриархия накануне Русско-польской войны // *Славянский альманах*. 2002. М., 2003. С. 49—53; 2) Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: Эволюция взаимоотношений // *Вестник церковной истории*. 2013. № 1/2 (29/30). С. 179—187.

²⁵ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 252—295; Чистякова М. В. Монахины «с Белой Роси»... С. 55—58; Буланин Д. М. Филофей — архимандрит Иверского Валдайского монастыря // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 168—173.

записей на сборниках ясно, что после пострига старец Венедикт Буторин в 80-е годы XVII века (не позднее декабря 1682 года) обрелся в Новодевичьем монастыре, очевидно, выполняя какое-то послушание. Затем (после 14 марта 1688 года — запись в сборнике Ундольск. 464) чернец Венедикт находится уже в Иверском монастыре на Валдае; соборная братия монастыря просила Новгородского митрополита Корнилия о посвящении его во иеромонаха, однако в письме от 1 июля 1689 года митрополит Корнилий сообщает о невозможности посвящения «присланного» старца Венедикта без указа патриарха Иоакима.²⁶ Но уже в следующем документе, отправленном из монастыря 25 сентября 1689 года, который содержит «имянную перепись» братии Иверского монастыря, в числе монахов упоминается единственный насельник с именем Венедикт, о котором сообщается, что «постриженец он Андреевского монастыря, а священство принял в Иверском монастыре».²⁷

Можно предположить, что послание Венедикта Буторина патриарху Иоакиму писалось до сентября 1689 года и поводом для него послужило поставление автора в священники. Письмо сохранилось в парадном беловом списке в сборнике-конволюте с другими материалами из патриаршего архива, и подписано оно полустихами-полупрозой чернецом Венедиктом («Пречестнейшему архипастырю и премилосерднейшему до честных стоп много челом бия и от усердия / словесное сие приношение на писме приносит, / а в погръшении своем милости архипастырской, прощения и благословения смиренно просит / недостойный последний богомолец многогръшный чернец Венедикт Буторин» (БАН. 16.14.24. Л. 202)). Это обращение к патриарху Иоакиму вряд ли случайно, вероятно, автора послания и адресата связывало давнее знакомство. Будущий патриарх Иоаким, пострижник Межигорского монастыря, в сентябре 1657 года был переведен патриархом Никоном в Валдайский Иверский монастырь, где, отказавшись от чина строителя, жил уединенно. Около 1663 года Никон, к тому времени уже оставивший патриаршую кафедру, переводит его строителем во вновь возводимый Новоиерусалимский Воскресенский монастырь. Позднее, из-за конфликта с Никоном, будущий патриарх, получив приглашение от Федора Ртищева, перешел строителем в Московский Андреевский монастырь в Пленницах.²⁸ Так что пути, где могли пересечься жизненная стезя Венедикта Буторина и жизненная стезя патриарха Иоакима, очевидны; вероятно, как упоминание о давнем знакомстве можно расценивать кажущиеся на первый взгляд этикетными слова Буторина в послании патриарху о духовной любви, «иже имам к твоему архиерейскому величеству от давних лѣт непременно» (БАН. 16.14.24. Л. 201). Уже после смерти патриарха Иоакима, в июне 1690 года иеромонах Венедикт Буторин (в документе он назван полным именем) направляется из Иверской обители строителем в приписной к Новгородской митрополии Боровенский Никольский монастырь, где вскоре — 11 июля того же года — умирает.²⁹ Имя иеромонаха Венедикта вписано в сохранившиеся Синодики Московский Новодевичьего монастыря 1705, 1710 и более поздних годов в одном перечне с игуменами и иеромонахами Иверской обители, который открывается поименованием Иоиля (Труцевича), игумена Кутейнского Богоявленского монастыря, скончавшегося около 1655 года по дороге к месту своего нового служения — Иверскому монастырю на Валдае.³⁰ Таким образом, Венедикт Буторин был одним из западнорусских переселенцев, составлявших в середине — второй половине XVII века большую часть

²⁶ Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706), собранные отцом архим. Леонидом. СПб., 1878. № 357. Стб. 882 (Русская историческая библиотека; т. 5).

²⁷ Акты Иверского Святоозерского монастыря... № 358. Стб. 887; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 273.

²⁸ См.: Булычев А. А. Иоаким (Савелов) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 138—145.

²⁹ Акты Иверского Святоозерского монастыря... № 379. Стб. 922—923.

³⁰ ГИМ. Собр. Новодевичьего монастыря. № 108. Л. 16; № 3. Л. 16; о Синодиках см.: Чистякова М. В. Монахини «с Белой Роси»... С. 62—63.

населников Иверского и ряда московских монастырей. Две принадлежавшие ему рукописи представляют круг текстов, бытовавших в среде православных монахов, изначально связанных с Кутеинскими монастырями, а затем с московской традицией Иверского и Новодевичьего монастырей.

Здесь, в Москве, на чистых листах сборника Рогожск. 657 Венедиктом Буториным был создан цикл рождественских виршей, они представляют собой черновой автограф поздравлений, написаны полууставом и скорописью. В стихах, записанных полууставом (л. 7—10 об., см. *Приложение*, № 1—3), первая буква в начале каждой строки выделена чернилами или кинварью,³¹ хотя в целом последовательное разделение текста на строки не выдержано; скорописный текст на л. 12 (*Приложение*, № 4) записан без разделения на строки и какого-либо их обозначения. Стихи датированы и подписаны автором: «191-го году слог инока Венедикта Буторина» (л. 7, крупный полуустав); «191-го году декабря въ 13 (день)» (л. 10).³²

Всего в сборнике находится четыре рождественских текста, составленных неравносложными виршами (от 9 до 23 слогов в строке) с правильной грамматической рифмой. Поздравления предназначались нескольким влиятельным лицам, хотя определенно в стихах упоминаются только царственные особы — во втором поздравлении автор молит Богородицу:

Пресвѣтлому царскому величеству даровати
В добром здравии и в радости душеполезной ликовати
Со всѣми доброхоты боляры и благочестивым царством
Во благовѣрїи преизящном сияющим Московским государством,
Всею Великою, и Малою, и Бѣлою Росіею непоколѣбимо,
А в мирѣ и во благоденствїи празднествовати, якоже любимо.
Враги бы и супостаты имѣ, государем, вся побѣдити
И поганская царства вся, государства, под свое владычество покорити...

При этом само поздравление, по-видимому, предназначалось не только царственной троице, но и патриарху Иоакиму, о чем свидетельствует вторая часть пожелания в этом тексте, обращенная к «Вашей/твоей честности»:

В добром здравии и в духовной радости
Сей пресвѣтлый праздник душеполезно препроводити...

Вероятно, Венедикт Буторин хотел поднести стихотворные приветствия патриарху Иоакиму, царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу в первый год регентства царевны Софьи Алексеевны. Такое желание не вызывает недоумения, если учесть придворный статус Новодевичьего монастыря. В XVII веке цари с семьями и двором регулярно приезжали сюда на богомолье, в монастыре принимали постриг женщины из царской семьи. Именно во времена регентства царевны Софьи Алексеевны (1682—1689) сложился архитектурный комплекс монастыря, монастырь достиг расцвета, имел особые царские привилегии.³³ После переезда сюда в 1654 году монахинь Кутеинского Успенского монастыря обитель стала одним из центров не только русского, но и белорусского монашества. «Пребывая» в Новодевичьем монастыре, старец Венедикт, конечно, имел возможность видеть посещавших монастырь государей, патриарха и их приближенных и мог осуществить свое намерение поднести поздравления.³⁴

³¹ При публикации буквы выделяются полужирным шрифтом.

³² Далее цитаты из публикуемых текстов приводятся в статье без указания номера листа.

³³ *Снегирев И. М.* (доп. *Токмаков И. Ф.*) Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885. С. 16—28.

³⁴ Реальность прямого обращения с подношением к царю из среды низших слоев монашеского духовенства и мирских служителей Новодевичьего монастыря подтверждается при-

С патриархом Иоакимом, как уже было сказано, Венедикт Буторин, судя по всему, был знаком ранее. Можно предположить, что патриарху предназначалось и первое поздравление цикла, в котором автор желает адресату («Вашему благочестию») духовной радости и душеполезных деяний:

Того ради я свѣта Христова Рождество прославляю,
Вашему благочестию усердно желаю
Праздником Рождества Царя Христа от всѣхъ печалей свободитися
И в радости духовной и дѣтеляхъ душеполезныхъ веселитися...

Возможно, о патриархе Иоакиме, как об адресате этого поздравления, свидетельствует и нарочитое упоминание в тексте имени отца Богородицы св. Иоакима, тем самым подчеркивается тезоименитость и аллегорическая причастность адресата к прославляемому событию:

Днесъ Богъ челоувѣкомъ уподобляется,
Небесный Царь Христосъ от Дѣвы рождается
От Пречистой Иоакимовой дщери Марии во Вифлиеме,
А престоль его будетъ во святомъ градѣ Иерусалиме.

Такая аллегория была вполне допустима для автора, который в выражении своих подданических чувств мог уподобить патриарха Иоакима серафиму «по священнодействию».³⁵

Третье поздравление, вероятно, предназначалось некоему благодетелю (мирскому лицу?), в обращении названному «Ваше благоутробие / ваша милость», которому высказывалось пожелание:

Во здравии и во благоденствии...
Здѣ многія лѣта пожити,
А ономо с нимъ свѣтомъ Христомъ Богомъ вѣчно быти.

Последний рождественский текст в этом сборнике записан скорописью и отделен от основного цикла двумя листами. Он вообще не содержит никакого обращения и пожелания и представляет собой краткий набросок описания праздничного события; текст заканчивается риторическим восклицанием, которое почти дословно записано и в первом поздравлении (патриарху Иоакиму?):

О неизреченное его, Творца нашего, к намъ милосердіе,
Кто не восхоцетъ к нему, свѣту Христу, имѣти благое усердіе!

Ср.:

О неизреченное свѣта Христа к намъ милосердіе,
Кто не восхоцетъ имѣти к нему благое усердіе!³⁶

мером подношения в 1686 году царевне Софье Алексеевне лицевого сборника, содержащего «Звезду пресветлую» с дополнениями (БАН. П. I. А. 58 (34.3.6)). Сборнику предпослана похвала царевне Софье, царям Петру Алексеевичу и Иоанну Алексеевичу, а также патриарху Иоакиму, витиевато написанная подъячим Новодевичьего монастыря, «многогрешным мирянином» Иосифом Титовым, см.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подг. текста, предисловие и комм. А. П. Богданова. М., 1983. Т. 1. С. 105—110; Т. 2. С. 265—267; Буланін Д. М., Романова А. А. Титов Иосиф // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3: XVII в. Ч. 4: Т—Я. Дополнения. С. 25—26.

³⁵ Чрезмерный сервиллизм Венедикта Буторина в стихотворно-прозаическом послании патриарху Иоакиму отмечен С. И. Николаевым, см.: *Николаев С. И.* Два стихотворца XVII века. С. 378.

³⁶ Подобного рода клише Венедикта Буторина имеется и в послании патриарху Иоакиму 1689 (?) года: «О велико Божіе к намъ, челоувѣкомъ, милосердіе, / Явим и мы к нему, Творцу, благое усердіе!» (БАН. 16.14.24. Л. 197).

Черновые наброски рождественских поздравлений Венедикта Буторина лицам придворного круга вполне соответствуют традиции бытования самого жанра окказиональной поэзии, особенно рождественских текстов, в московской стихотворной культуре последних десятилетий XVII века. Рождество Христово было наиболее любимым и ярким праздником церковного календаря,³⁷ рождественские силлабические поздравления и декламации не только ежегодно готовились, подносились и произносились при дворе и в придворных храмах,³⁸ образцы подобных текстов для последующего применения записывались поэтами придворного круга как атрибут праздничного церемониала, исполненного своей символической и риторическими фигурами.³⁹ Цикл рождественских поздравлений разным лицам, от царской особы до ближайших родственников, открывает «Рифмологион» Симеона Полоцкого.⁴⁰ Этот памятник имел прикладной характер и представлял собой, по мнению Л. И. Сазоновой, поэтический аналог жанров придворной ораторской прозы, разработанных Симеоном Полоцким и собранных им в прозаическом пособии (риторике) под названием «Книга приветств». ⁴¹ Образцы рождественских поздравлений разных жанров и адресаций записаны в черновиках Кариона Истомина 80—90-х годов XVII века, эти записи также предназначались для использования на практике не только самим поэтом, но и его учениками. Черновые наброски, сделанные на протяжении нескольких лет, демонстрируют многообразие форм и жанров поздравительных виршей Кариона Истомина от простых стихов на случай до панегириков, в которых оказия — собственно Рождество Христово — выступает лишь поводом к восхвалению адресата.⁴²

Рождественские вирши Венедикта Буторина не вписываются в канон окказиональной поэзии московского барочного придворного церемониала. В них не выдержана «мера», и они явно не предназначались для произнесения, а готовились только для подношения адресатам, если случится такая возможность. Ценность стихов западнорусского старца заключается в том, что они демонстрируют синтез двух поэтических традиций и еще раз подчеркивают тем самым неоднородность московской стихотворной культуры последних десятилетий XVII века. С одной стороны, неравносложные рождественские вирши Венедикта Буторина — это продолжение

³⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895. Ч. 1. С. 386—392.

³⁸ Как известно, рождественские орации Симеона Полоцкого не только строились на тексте службы, но и вписались в последовательность храмового действия, см.: Щеглова С. А. Декламация Симеона Полоцкого // Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сб. в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 5—9 (Сб. ОРЯС; т. 101, № 3); Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. С. 210—216; Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 335—340; о текстах придворного церемониала см. также: Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898. С. 41—68 (Памятники древней письменности; вып. 128).

³⁹ Одним из образов, стоявших у истоков этой традиции, мог служить цикл кириллических рождественских ораций, написанных тринадцатисложником, который напечатан в сборнике виршей Памвы Берынды (*Беринда Памво*. На Рожество вѣршъ для утѣхи православным хр[ис]тіаном. Львів, 1616), восходящий в свою очередь к подобным польским рождественским похвалам (см.: *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 141—144). Украина здесь, по замечанию А. М. Панченко, стала посредницей в «усвоении системы польской версификации» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. С. 223).

⁴⁰ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Собрание придворно-церемониальных стихов / Подг. текста, статья и комм. А. Хипписли, Х. Роте и Л. И. Сазоновой. = *Simeon Polockij. Rhythmologion. Eine Sammlung höfisch-zeremonieller Gedichte* / Hrsg. von A. Hippisley, H. Rothe und L. I. Sazonova. Wien; Köln; Weimar, 2013. Bd 1. S. 8—286 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe B: Editionen. Bd 27.1).

⁴¹ Там же. С. CV.

⁴² Памятники общественно-политической мысли... Т. 1. С. 247—252; Богданов А. П. Стих торжества: рождение русской оды, последняя четверть XVII — начало XVIII века. М., 2012. Т. 1. С. 147—160, 186—192; издание текстов см.: Там же. Т. 2. С. 401—406, 410—422, 453—461, 465—468, 471—488, 522—525, 591—594.

традиций классической южно- и западнорусской книжной поэзии того направления, истоки которого восходят к неравносложным виршам Герасима Смотрицкого. Наиболее последовательно этой архаичной традиции придерживался Кирилл Транквиллион-Ставровецкий, который во всех своих поэтических сочинениях использует досиллабическую систему виршесложения.⁴³ Таким образом, Венедикт Буторин выступает здесь представителем той среды, которой были адресованы поэтические образцы Кирилла Транквиллиона, изданные в его сборнике «Перло многоценное...».⁴⁴ Неравносложные орации, в том числе рождественский цикл «Похвала на Преславный день Рождества Господа нашего Иисус Христа» и почти дословно совпадающий с ним цикл «Похвала персонѣ Сыновкой»,⁴⁵ предназначались для вполне конкретной цели, заявленной самим автором в предисловии к изданию «Перла многоценного...» — служить образцами на случай праздничных торжеств, которые «в школах будучи студенты могут себѣ с той книги святой выбирати вѣрши на свою потребу и творити з них ораціи розмаитыи часу потреби своей, хочѣ и на комедіях духовных».⁴⁶ Последовательность образов в описании евангельского события, стилистика изложения, а главное, неравносложность этих рождественских ораций позволяют в какой-то степени предполагать знакомство Венедикта Буторина с книгой Кирилла Транквиллиона. Кроме того, очевидные параллели к рождественским стихам Венедикта Буторина находятся в не книжных образах виршей рождественской тематики — различных вариантах рождественских колядок или, например, в подборке стихов конца XVI — начала XVII века на церковнославянском языке южнорусского извода, хотя подобного рода южнорусские тексты так или иначе тяготели к классическим формам силлабики.⁴⁷

С другой стороны, поздравления Венедикта Буторина закономерно имеют следы московского влияния. Стихи написаны книжным языком московского обихода почти без украинских или белорусских признаков (отметим лишь два случая фонетических отклонений от великорусской нормы: «*прѣдѣ* нимѣ припадають»; «во благовѣрии преизящномѣ *сияющым*»)⁴⁸. Это неудивительно, если учесть, что автор, по-видимому, уже довольно долгое время живет в Москве и не только постоянно бывает в церкви, но и участвует в отправлении богослужения.

Стихи Венедикта Буторина достаточно традиционны, лишены изысканности слога, сложных риторических фигур и аллегорий. В изложении рождественского сюжета и его толкования автор опирается на текст минейной службы на Рождество Христово (25 декабря), что характерно и для украинских виршей досиллабической и силлабической традиции,⁴⁹ и для творений московских изосиллабиков придвор-

⁴³ *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы... С. 148—151; *Маслов С. И.* Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984. С. 122—135.

⁴⁴ Книга была издана дважды: в 1646 году в Чернигове и в 1699 году в Могилеве, в типографии Максима Вошанки, текст известен также в рукописных списках, см.: *Маслов С. И.* Кирилл Транквиллион-Ставровецкий... С. 206—209, 216—217.

⁴⁵ О взаимозависимости и повторяемости сочинений Кирилла Транквиллиона в составе его книг, в частности «Перла многоценного...», см.: Там же. С. 135.

⁴⁶ Перло многоценное... Могилев, 1699. Л. 2 нум. об.; см.: *Маслов С. И.* Кирилл Транквиллион-Ставровецкий... С. 131—132. Существует мнение, что книга могла использоваться в братских школах Киевской митрополии в качестве «пособия по пиитике», см.: *Серов Б. Н.* Братские школы // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 196.

⁴⁷ См.: *Українська поезія. Середина XVII ст.* / Уп. В. І. Крекотень, М. М. Сулима. Київ, 1992. С. 32—36; *Щеглова С. А.* Вирши праздничные и обличительные на ариан конца XVI — начала XVII в. СПб., 1913. С. 68—70, 90, 94—97 (Памятники древней письменности и искусства; вып. 182).

⁴⁸ Таким же языком записано им в 1688 году «Слово на умиление души своей» в рукописи Ундольск. 464; при этом в заголовках выписок, помещенных им на пустых листах обоих сборников, можно отметить фонетические и лексические черты употребления им «простой мовы» («з Прологу», «друкованого»).

⁴⁹ См., например: *Щеглова С. А.* Вирши праздничные и обличительные на ариан... С. 46—48.

ного круга.⁵⁰ Любопытно построение цикла поздравлений в целом. Отдельные вирши слагаются в единое сочинение, представляющее праздник Рождества во всех его ипостасях; о жанровой природе и предназначении стихов свидетельствуют только адресации в завершении каждого текста. Целостность цикла подтверждает и заглавие: «На Рождество Христово» (л. 7), предпосланное основному блоку виршей, записанному полууставом. В каждом из сохранившихся набросков раскрывается определенный рождественский мотив. Первое поздравление подробно излагает детали самого события (ангельская похвала, поклонение пастырей, дары персидских царей) и подчеркивает тему плотского рождения и земного пребывания во плоти младенца Христа (положение в темных «скотских яслях» в граде «пророка Давыда» Вифлееме); особо акцентируется мотив смирения и унижения, «вольной нищеты» Иисуса Христа, прообразующей будущее спасение грешного рода человеческого. Наиболее близкий аналог лаконичного стихотворного изложения этого мотива находится как раз в текстах Кирилла Транквиллиона: повторяющаяся у Кирилла Транквиллиона тема вольной нищеты Господа:

Сын Божій в темный вертеп странствует,
И на земли добровольне нищету пріймует,
А нам въ небѣ вѣчное богатство готует,⁵¹ —

звучит в первом поздравлении (патриарху Иоакиму?) в изложении Венедикта Буторина:

Изволил быти Царь Небесный в послѣдней нищете,
Да нас устроит быти в добродѣтелях и вѣчном свѣте.

Здесь она получает дидактическое развитие — уподобления вольной нищете Христа человек может достичь только исполненной лишений добродетельной жизнью:

Аще кто хочетъ ему, свѣту, угодити,
Той да потщится в любви, и в смиреніи, и волной нищете жити...

Во втором поздравлении выделяется Богородичная тема — прославление Девы Марии, которую Иисус Христос, приняв плотский облик, «паче всего свѣта даде нам помощницу и заступницу / пресвятую Дѣву, премилостивую свою родительницу». Именно Богородица-заступница выступает главным лицом праздника и к ней обращена мольба о благополучии государства.⁵²

Зачин третьего поздравления представляет Рождество как исполнение Троицной божественной сущности:

Во Троицы Господь Бог славимый <...>
Ибо благоволением Бога Отца Сын воплощается,
А дѣйством Духа Святаго от Пречистой Девы раждается...

Этот текст, так же как и первое поздравление, подробно излагает само событие, еще более детально, с цитатами пророчеств и возгласом из Великого славословия. Именно здесь находятся наиболее близкие параллели и текстовые совпадения с минейной службой на 25 декабря.

⁵⁰ См. прим. 38.

⁵¹ Перло многоотное... Л. 69 об., конец стиха первого отрока, то же в «Похвале персоне Сыновкой» (л. 28 об.).

⁵² В этом можно усмотреть подчеркнутое внимание к гипертрофированному культу Богородицы, идущему от католической традиции и широко распространенному на землях Киевской митрополии, который тем не менее не расценивался ни в православных кругах Украины и Белоруссии, ни в Москве как «латинская прелесть» и вполне благожелательно воспринимался в переводных памятниках, например «Великом Зерцале», см.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах (вторая половина XVII — первая треть XVIII века). Л., 1989. С. 23—24.

Таким образом, стилистика и поэтика рождественских стихов Венедикта Буторина вполне традиционны, они выделяются из круга придворных ораций формой изложения (относительный силлабизм) и отступлением от церемониального этикета.⁵³ «Пребывая» в Москве и в Андреевском, и в Новодевичьем монастыре, Венедикт Буторин, конечно, мог слышать стихотворные праздничные, в том числе рождественские, орации, так что стилистика и особенности этого жанра придворной поэзии ему были хорошо знакомы. Но, вопреки ожиданиям, земляк основоположника русского барочного стихотворства, проживающий с ним и его последователями в Москве примерно в одно время и в едином придворном пространстве, отступает от этой стихотворной традиции.

Ближайшие аналоги стихам Венедикта Буторина, не только его рождественскому циклу, но и «Слову на умиление души своей», и кратким неравносложным виршам в его сборниках, находятся в неравносложных сочинениях поэтов «приказной школы», не относящихся к эпистолографии, и, особенно, в предисловиях к изданиям московского Печатного двора середины XVII века. В этом отношении Венедикта Буторина действительно можно рассматривать как продолжателя поэтических традиций «приказной школы».⁵⁴ Но, учитывая западнорусское происхождение поэта, отсутствие во всех его известных сочинениях акростиха, учитывая отличие жанров его стихов от излюбленных жанров московских поэтов «приказной школы», это определение следует применять к его творчеству с определенными оговорками. Тем более что новые материалы по истории осуществленных и неосуществленных изданий московского Печатного двора 30—50-х годов XVII века требуют внесения некоторых корректив в наши представления о создании и бытовании стихотворных текстов в московской государственной типографии.

Виршевая традиция в московском книгопечатании представляет собой особую линию в становлении русского стихосложения, восходящую к украинско-белорусской книжности конца XVI — начала XVII века, к полемическим неравносложным виршам Герасима Смотрицкого и его последователей.⁵⁵ Эта линия развивалась параллельно с индивидуальным и корпоративным эпистолярным творчеством приказных поэтов. Главным ее признаком был явно выраженный прикладной характер, о котором свидетельствуют жанры сохранившихся текстов, в меньшей степени, чем эпистолография, отмеченные «восторгом неопитов» — поэтическим признаком, очень точно сформулированным А. М. Панченко: «Можно было, разумеется, использовать опыт единоверной Украины или инославной Польши — и он в конечном счете использовался. Идеологический традиционализм этому не мешал, так как предпочтение мерной речи — само по себе нарушение традиции. Однако в приказном стихотворстве было вечное, но всегда оригинальное качество — восторг неопитов. В поэтической практике эта черта отобразилась в преувеличенном внимании к стихотворной технике, и прежде всего к акростиху».⁵⁶

«Восторг неопитов» в эпистолографии отнюдь не мешал московским справщикам в профессиональном бытии, в своей повседневной работе «использовать опыт единоверной Украины или инославной Польши» — следовать традициям, ставшим

⁵³ Об этом свидетельствует, например, отсутствие в них заключительной части с уничижительным выражением верноподданства автора и его просьбой о покровительстве, раздела, обязательного для всех церемониальных стихов «на случай» Симеона Полоцкого, адресованных царю и его ближайшему окружению; см.: *Симеон Полоцкий*. Рифмологийон. S. CX.

⁵⁴ *Николаев С. И.* Два стихотворца XVII века. С. 371. В творчестве Венедикта Буторина можно отметить и закономерные аналогии с сочинениями поэтов Новоиерусалимской школы, не относящимися к гимнографии, например, с текстами архимандрита Никанора; см.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. С. 110—115.

⁵⁵ *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы... С. 157—159; текст похвалы князю Владимиру типографа Симеона Ставницкого (Унев, 1670) изд. также: *Українська поезія*. Середина XVII ст. С. 244.

⁵⁶ *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. С. 70.

будничными в практике типографских книжников Киевской митрополии. Поэты «приказной школы», трудившиеся на Печатном дворе, стремились включить стихотворные разделы в московские издания по аналогии с разделами изданий Киевской митрополии. Один из самых ярких примеров такого намерения — антология справщика Савватия «Предисловия многоразлична...», которая не только выражала представления sprawy об издательской программе Печатного двора, но отдельные части которой имели реальное воплощение на практике — предваряли соответствующие тексты в рукописях из книгописных центров, близких Печатному двору.⁵⁷ Другой пример текста прикладного книжного жанра — рукописный цикл неравносложных стихотворных надписей к главам Соборника, изданного в Москве в 1647 году.⁵⁸ Неизвестно, кто был автором этих стихов и почему они не попали в издание, но ясно, что написание виршей к главам книги опирается на определенную традицию. Ближайшая аналогия к этому тексту находится именно в украинско-белорусской книжности — в переводе монаха Дубенского монастыря Виталия⁵⁹ морально-аскетического сочинения XVI века на латинском языке «Диоптра» или «Зерцало мирозрительное», главы которого сопровождаются стихами.⁶⁰ К числу стихов, предназначавшихся для печати, можно отнести и более поздний пример — «крестный» цикл Алексея Онуфриева, подготовленный, вероятно, для предполагавшегося издания «Сказания о святем и животворящем кресте Господни, что в Крестном монастыри».⁶¹ Все эти сочинения остались в рукописях и свидетельствуют лишь об овладении мастерами московской sprawy книжными поэтическими жанрами. Особый интерес представляет история стихотворных текстов, которые были изданы в Москве, а соответственно, имели широкое распространение не только в Великой Руси, но и в соседних землях, а также стихов, которые бытовали на Печатном дворе в списках книг, готовящихся к изданию.

Новые материалы по истории московского книгопечатания показывают, что включение стихов в предисловия московских изданий 40—50-х годов XVII века не только восходило напрямую к образцам украинской и, особенно, белорусской книжной традиции, но и появлялось на московском Печатном дворе из круга знатоков этой книжности и непосредственно из круга носителей этой традиции. Как известно, стихотворные предисловия были напечатаны к трем московским изданиям. Из них лишь вирши в бурцевской Азбуке 1637 года можно назвать самостоятельным авторским сочинением, созданным, по-видимому, справщиком Савватием.⁶² Стихотворные предисловия к двум другим московским книгам опирались на более ранние неравносложные вирши. Так, предисловие к «Кирилловой книге» (М., 1644), кем бы из московских справщиков оно ни было написано, напрямую зависит от стихов «попа Стефана» (Стефана Горчака?), которые он предпослал своему переводу «с простой мовы» на церковнославянский язык «Книги об образах» (Вильно, 1596).⁶³

⁵⁷ Савельева Н. В. Стихотворная антология «Предисловия многоразлична...» (Вопросы атрибуции и истории текстов в связи с деятельностью московского Печатного двора 30-х — нач. 50-х гг. XVII в.) // Книжная старина. Сб. статей / Ред. А. В. Вознесенский. СПб., 2008. С. 94—189.

⁵⁸ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. С. 61—62; изд.: Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост. В. К. Былинин и А. А. Илюшин. М., 1989. С. 325—363.

⁵⁹ Турилов А. А. Виталий // Православная энциклопедия. Т. 8. С. 557—558.

⁶⁰ Книга впервые издана в Евье в 1612 году, см.: Голенченко Г. Я. Стародрукаваныя кірылічныя выданні XVI—XVIII ст. // Кніга Беларусі. 1517—1917: Зводны каталог. Минск, 1986. С. 85, № 72.

⁶¹ Николаев С. И. Два стихотворца XVII века. С. 371—376.

⁶² Савельева Н. В. Стихотворная антология «Предисловия многоразлична...». С. 135—139.

⁶³ Леонид, архим. Заметка об одной старопечатной книге // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1880. Кн. 1. С. 1—10; Савельева Н. В. Стихотворная антология «Предисловия многоразлична...». С. 132—135.

Царя и Господа и Спаса своего без престани
молите.

Боже мой, воію, рачь тернием скрухи уранити;
Мое сердце и мысль твоею любовию уязвити;
Даруй ми умиленіе, да за грѣхи мои рыдаю,
Твои благодѣянія и страданія всегда

поминаю,
А до Небесной Отчизны спѣшно
пел'grimовати,
За тобою, Створителем, любовне в путь
шествовати.

И по смерти даруй ми со святыми твоими
ликовати,
В немерцающем свѣте, тебѣ славячи, вѣчне
пребывати.
Аминь.

Боже мой, рач тернием скрухи уранити
Мое сердце, мою мысль миле уязвити;
Былъ я горко за грѣхи мои рыдаючи,
Твой окрутный боль в сердцу вырити

маючи,
До Небесной Отчизны спѣшне
пел'grimоваль,
За тобою, Гетманом, миле въ путь
шествовал

(«Душа побожная, 1 Георгіевичъ». С. 58—59)

И по смерти при тобѣ здарь нам ликовати,
В немерцающем свѣтѣ вѣчне пребывати.
(«Все три крест целуютъ». С. 70)

Драма Йоаникія Волковича, созданная при очевидном влиянии польских источников,⁶⁸ написана классическим мерным стихом, реплики ее аллегорических персонажей переданы тринадцатисложным размером. Игумен Гедеон, перерабатывая источник, не заботится о сохранении в своем послесловии изначального стихотворного рисунка и нарушает мерность исходного текста, отдавая предпочтение относительному силлабизму. Насколько эта трансформация намеренна или продиктована случаем и привычкой, судить сложно. Но, как свидетельствуют сочинения Гедеона, неравносложность была для него единственной приемлемой формой стихосложения.⁶⁹

В начале 50-х годов XVII века на московском Печатном дворе приступили к работе по подготовке к изданию второго сборника игумена Бизюкова монастыря; работа не была завершена, московское издание не осуществилось, но книга дважды напечатана в XVIII веке старообрядческими типографиями под названием «Альфа и Омега».⁷⁰ Книга, поданная в 1647 году царю Алексею Михайловичу, содержала стихотворные послесловия к 1—25, 46 главам, написанные на церковнославянском языке неравносложным стихом с преимущественно глагольной рифмой.⁷¹ Получив известие о возможности издания сборника в Москве, игумен Гедеон намеревался дописать «еще тебе» стихи к остальным главам «да будут прилична» для издания.⁷² Осуществилось ли это намерение, неизвестно, во всех сохранившихся списках сборника число стихов неизменно. Но главное, в рукописи БАН. Арх. № 430 в полном соответствии с традицией изданий Киевской митрополии сборник

⁶⁸ Возняк М. Діалог Йоаникія Волковича... С. 39—44.

⁶⁹ Отметим только один случай включения в сборник иеромонаха Гедеона его (?) небольшого стихотворения с почти полностью выдержанным тринадцатисложным размером: в белорусском допечатном списке «Книги о вере» (РГАДА. Ф. 201 (Собр. Оболенского). № 34) в приложении к главе «О Кресте» помещена стихотворная похвала кресту (6 строк), которая не встречается больше ни в издании, ни в других списках «Книги о вере», см.: Савельева Н. В. Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон... С. 108.

⁷⁰ Там же. С. 92—120. Начатая в Москве работа отражена в двух списках, созданных одним и тем же писцом Печатного двора (БАН. Архангельское собр. № 430; РГБ. Ф. 98 (Собр. Егорова). № 1429), каждый из них восходит к архетипу того варианта сборника, который был поднесен игуменом Гедеоном царю Алексею Михайловичу.

⁷¹ Стихи сохранились в Супрасльском издании сборника, восходящем к тексту, над которым работали в Москве в XVII веке, см.: Альфа и Омега. Супрасль, 1788. Л. 26 об. — 27, 43 об. и др.

⁷² Савельева Н. В. Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон... С. 114; аналогия со стихами к главам «Диоптры» Виталия Дубенского (см. прим. 60) несомненна, в этот же ряд вписываются и близкие по времени стихи к московскому Сборнику 1647 года.

открывается прозаическим и стихотворным посвящениями царю Алексею Михайловичу⁷³ — это самый ранний и единственный написанный неравносложными виршами панегирик царю. Невозможно точно сказать, создан ли он самим игуменом Гедеоном или одним из московских справщиков, но более ранние примеры подобного текста в русской поэзии на сегодняшний день не отмечены, и аналог ему надо искать именно в панегириках ранней украинско-белорусской традиции. Причины, по которым не осуществилось издание второго сборника игумена Гедеона в Москве, неизвестны, но следы его московского бытования в середине XVII века обнаруживаются и в последней четверти этого столетия. Обращение к сборнику «Альфа и Омега» в московских высоких кругах в 1670-е годы подтверждается несколькими роскошно оформленными рукописями из единого московского книгописного центра (РГБ. Костромское собр. № 92; ГИМ. Музейск. собр. № 1387; Собр. Уварова. № 277), в котором копировался вариант книги со стихами, восходящий к спискам Печатного двора начала 50-х годов XVII века.

Таким образом, в истории московского стихосложения невозможно не отметить следы поэтической традиции, сохранявшейся в среде православного населения восточной части Киевской митрополии и пограничных с Россией земель. Самый яркий представитель этой среды, о творчестве которого, в том числе стихотворном, мы имеем достоверные сведения — игумен Бизюкова монастыря иеромонах Гедеон, книги которого сыграли значительную роль в становлении русской богословско-полемической традиции и в истории русской литературы. Творчество, в том числе поэтическое, этого автора позволяет нам в какой-то степени судить об особенностях литературной культуры западнорусского православного мира, которая, при ее закономерном обращении к европейской, в том числе иноконфессиональной, учености, была ориентирована на великорусскую православную идею. В этой среде сохранялись и адаптировались для нового времени и для новой аудитории памятники западнорусского полемического наследия конца XVI — начала XVII века. Неравносложные вирши, которым здесь отдавалось предпочтение, по-видимому, воспринимались отголоском ранней книжной традиции и атрибутом противостояния униатству, неизбежно ассоциировавшемуся с польским языком и культурой. Именно потому, что этой традиции присущи архаичные для дискурса Киевской митрополии черты и она ориентирована на сохранение духовно-нравственных ценностей, роднивших ее с московскими кругами ревнителей древнего благочестия, книги игумена Гедеона пришлось в Москве ко двору. Неизвестные ранее в московском книгопечатании стихотворные разделы сборников западнорусского автора не воспринимались чуждыми, потому что стихи, предназначенные для московской аудитории, писались на церковнославянском языке, который в этой ситуации свидетельствовал не только о достаточном уровне образованности западнорусского автора,⁷⁴ но и о его конфессиональном единении с Москвой. Эта поэзия органично вписалась в великорусскую систему стихосложения, сформировавшуюся к середине XVII века, и оказала посредническую роль в усвоении московским издательским делом функции и жанров книжной поэзии Киевской митрополии.

Конечно, культурные ориентиры и литературные предпочтения, в том числе и в поэзии, не могли быть едиными для представителей разных социальных, этнических, профессиональных кругов западнорусского православного мира и не могли одинаково воплощаться во всех сферах его жизни. В книгах белорусских типографий середины XVII века печатались преимущественно силлабические вирши. Например, в последних изданиях 40—50-х годов XVII века Кутейнской типографии, выпущенных под надзором Иоила Труцевича, почти все стихотворные тексты на-

⁷³ Издание текста см.: *Савельева Н. В.* Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон... С. 98.

⁷⁴ *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994. С. 72—85.

писаны мерою: 12-сложные стихи опубликованы в главах «Диоптры» Виталия Дубенского (издания 1651 и 1654 годов, восходящие к первой публикации текста в Евье в 1612 году), 13-сложные геральдические стихи напечатаны в Новом Завете с Псалтирью (1652 год; на обороте титульного листа), таким же размером сложено специально для издания в 1647 году Трефологиона посвящение Кутейинскому монастырю — стихотворная подпись на церковнославянском языке к изображению Святого Богоявления (на обороте титульного листа).⁷⁵ Единственное отступление от этой традиции можно отметить в подписи к гравированному изображению царя Давида, в которой «мера» до конца не выдержана:

Святый пророк и царь Давид, великий фиял церковный
Написал Псалтырь вѣрнымъ всѣмъ клейнотъ любовный,
С которой жродроло живыхъ прагнучимъ выливает
И поле церкви Сионской гоине напавает...⁷⁶

Так что западнорусская тиражированная книжная поэзия середины XVII века отвечала требованиям сложившихся в Киевской митрополии традиций и законов книгопечатного дела. Возможно, именно поэтому «первый великорусский опыт геральдической поэзии»⁷⁷ — написанные 12-сложником стихи на вымышленный герб патриарха Никона — появляются в сборнике «Рай мысленный» (1658), изданном на кутейинских станах в Иверском монастыре.⁷⁸

Тем не менее неравносложное стихотворство было достоверно известной нам чертой литературной культуры западнорусского православного сообщества, традиции которого отражает в своем творчестве иеромонах Гедеон и с которым генетически связан московский поэт Венедикт Буторин. Эта поэзия появилась в Москве в середине XVII века, бытовала в московских списках более позднего периода, дожила до наших дней в почитаемых до сих пор изданиях московского Печатного двора и старообрядческих типографий. Образцы текстов этой поэтической традиции сохранялись в московском стихосложении последних десятилетий XVII века наряду с отзвуками поэзии «приказной школы». Черты этой поэтической традиции, почти не отличимые от формальных признаков поэзии последователей «приказной школы», проявлялись в творчестве укоренившихся в Москве версификаторов второй половины XVII века, к числу которых следует относить и Венедикта Буторина, воспитанного на западнорусской книжности и закономерно впитавшего в себя московский язык и культуру.

В Приложении публикуются рождественские стихи Венедикта Буторина из сборника РГБ. Рогожск. № 657. Вирши воспроизводятся в модернизированной орфографии, при этом сохраняются значимые для восприятия текста буква «ять», а также «ер» в середине слова, выносные буквы вставляются согласно современным орфографическим нормам, слова под титлами раскрываются.

⁷⁵ См.: *Голенченко Г. Я.* Стародрукаваныя кірылічныя выданні... С. 116—120, № 153, 157, 160, 164). Публикацию текстов см.: *Українська поезія. Середина XVII ст.* С. 40, 58—59.

⁷⁶ Псалтырь. Около 1650 года. Л. 2 об. нenum. См.: *Голенченко Г. Я.* Стародрукаваныя кірылічныя выданні... С. 117, № 156.

⁷⁷ *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. С. 106. Д. М. Буланин допускает возможность приписать авторство этих стихов архимандриту Иверского монастыря Филофею (*Буланин Д. М.* Филофей... С. 171).

⁷⁸ О книгоиздательской деятельности западнорусских печатников в Иверском монастыре на Валдае и литературных опытах авторов и переводчиков — насельников монастыря см., например: *Белоброва О. А., Буланин Д. М.* Феодосий — архимандрит Иверского Валдайского монастыря // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 133—137; *Буланин Д. М.* 1) Филофей... // Там же. С. 168—173; 2) Афон в древнерусской письменности до конца XVI в.: (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // Там же. Вып. 2. Ч. 3. С. 607—615; в этих работах приведена основная библиография по теме.

*Венедикт Буторин***НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО****1**

Днесь Богъ человѣкомъ уподобляется,
Небесный Царь Христос от Дѣвы рождается,
От Пречистой Иоакимовой дщери Марии во Вифлиеме,
А престолъ его будет во святом градѣ Иерусалиме.
Пришел бо нынѣ на землю зѣло смиренно нас спасти
И своим неизреченным милосердіем от вѣчной погибели извѣсти,
Собою показывает нам свѣтъ Христос, Сын Божий,
Иже кто понудится тещи, той будет побѣдитель вражий.
От чистой Дѣвы безначальный начало восприимает
И безплотный сый, в плоть облечеся, человек бывает.
Бог страшный и неприступный приступен и видим является
И во яслѣх скотцких, повит пеленами, полагается.
Кий разум о семъ великом Божиим милосердіи возможет разсудити
Или по достоинству противу его, свѣтова, благодѣтельства възсхвалити,
Ибо агнели богочеловечное его рождество со страхом прославляют
«Слава в вышнихъ Богу и на земли мир» воспѣвають!
Пастырие, сие слыша пѣние, зѣло удивишася,
Вскорѣ шедши и видѣвъ Творца всеа твари во яслех, поклонишася.
Абие персидстии царие по звѣздѣ рождение Небеснаго Царя познавають,
Принесши ему змирну, злато и ливан в дары, прѣд ним припадаютъ,
Волной его нищете зѣло удивишася
И во своя с радостию велиею возвратишася.
О неизреченное свѣта Христа к нам милосердіе,
Кто не восхоцет имѣти к нему благое усердіе!
Изволил быти Царь Небесный в послѣдней нищете,
Да нас устроит быти в добродѣтелях и вѣчном свѣте.
Аще кто хоцетъ ему, свѣту, угодити,
Той да потщится в любви, и в смиреніи, и волной нищете жити,
И вмѣсто змирны, злата и ливана сие приносити,
А в чистотѣ, в постѣ и в молитве себя хранити.
И тако Христос, Царь Небесный, возвеселится,
Со Оцем и Святымъ Духом в онъ, яко в дом свой, вселится.
Того ради я свѣта Христова Рождество прославляю,
Вашему благочестию усердно желаю
Праздникомъ Рождества Царя Христа от всѣхъ печалей свободитися
И в радости духовной и дѣтеляхъ душеполѣзныхъ веселитися,
Впредь богоугодно многія лѣта препроводити,
Посемъ вѣчной радости во Царствіи Небеснѣмъ наслѣдити.

(РГБ. Рогожск. собр. № 657. Л. 7—8 об.)

2

Всяка душа нынѣ вѣсная освящается
И Божия Сына Христа милосердіемъ украшается.
Дѣвственныи лица, нынѣ веселитесь,

К Пречистой Дѣвѣ Марии поспѣшитеся
Видѣти рождѣшую Царя всѣхъ, Творца,
Егоже власть присно, и Царствию его не будет конца.
Поклонимся рождѣшемуся днесь Царю вѣков,
Иже нас обогатил милосердіем своим всѣхъ человѣков,
Паче всего свѣта даде нам помощницу и заступницу —
Пресвятую Дѣву, премилостивую свою родительницу.
Его же, яко благодѣтеля, богочеловѣчное Рождество,
Христіянское пресвѣтлое и душеспасительное торжество
В радости величій аз прославляю
И рождѣшую его Пресвятую Дѣву умоляю
Пресвѣтлому царскому величеству даровати
В добром здравии и в радости душеполѣзной ликовати
Со всѣми доброхоты бояры и благочестивым царством —
Во благовѣрии преизящном сияющим Московским государством,
Всею Великою, и Малою, и Бѣлою Россіею непоколѣбимо,
А в мирѣ и во благоденствіи празднѣствовать, якоже любимо.
Враги бы и супостаты имъ, государем, вся побѣдити
И поганская царства вся, государства, под свое владычество покорити,
А впредь во всяком благополученіи во утѣшеніе подручным быти
И в мирном устроении множественная лѣта препроводити,
Посемъ в Горнѣмъ Иерусалиме вселеніе получитьи
У престола днесь рождѣшагося¹ Небѣснаго Царя предстоянія,
В радости непрестанной со ангелы ликованія.
Сего усердно желаю
И поклонъ мой вашей честности предлагаю.
Дай, Христе Боже, и твоей честности
В добром здравии и в духовной радости
Сей пресвѣтлый праздник душеполѣзно препроводити
И, благополучно многа лѣта пожив, Царство Небѣсное наслѣдити,
В славе² присносущней пребывательство имѣти.³

(РГБ. Рогожск. собр. № 657. Л. 8 об. — 9 об.)

3⁴

191-го году декабря въ 13 (день)

Во Троицы Господь Бог славимый,
От всѣхъ небѣсных сил непрестанно⁵ хвалимый
Предвѣчное таинство днесь совершает —
Матерь нашу святую церковь украшает
Празднѣствомъ свѣтлаго торжества,
Единаго от Троицы преестественнаго рождества,
Ибо благоволеніем Бога Отца Сын воплощается,
А дѣйством Духа Святаго от Прѣчистой Дѣвы раждается
Христось, Царь Небесный, от Марии во градъ Вифлиемстѣ,
В преименитом царя Давыда мѣстѣ.
Во вертепѣ нищетне богочеловѣчно является,
Яко младенецъ, пеленами повить, во яслѣх полагается,
Егоже пророцы проповѣдаша святии,
По откровенію Духа Святаго провидѣша тии.
В первых, пророк богогласный Исайя вопиетъ, глаголя:
«Се Дѣва приимет во чревѣ и родит Сына благія воля,
И нарекут имя ему Еммануиль»,⁶ то есть «с нами Бог».

И пророк Аввакум рече: «От полудня к нам придетъ Бог».⁷
На полудни град Вифлием обрѣтается,
В немже свѣтъ Христос ражденный вездѣ прославляется.
Ангели его простлавляя, воспѣвают,
«Слава во вышнихъ Богу и на земли»⁸ рождшемуся восклицают,
Царю Христу Сыну Божию,
Иже прииде на землю сокрушити всю силу вражию,
Емуже небѣса звѣздою служаху,
Триех царей со дары на поклонение привождуху.
Пастырие, оставльше безсловѣсное стадо, поспѣшишася,
Пришед ко истинному душевному пастырю Христу Богу со страхомъ поклонишася.
Тому же⁹ днесь рождшемуся Христу Богу и азъ покланяю
И богочеловечное его преславное Рождество прославляю.
Ваше благоутробие праздникомъ Рождества его поздравляю,
Во здравии и во благоденствии вашей милости желаю
Здѣ многія лѣта пожити,
А онамо с нимъ, свѣтомъ Христомъ Богомъ, вѣчно быти.

(РГБ. Рогожск. собр. № 657. Л. 9 об. — 10 об.)

4

Днесь намъ день неизреченой радости наста,
Во Вифлиеме Пречистая Дѣва родила Христа,
Егоже отъ вѣковъ святии пророцы проповѣдаша,
Яко в послѣдняя лѣта явится намъ Богъ, радость наша.
Нынѣ же ихъ пророчество исполняется,
Богъ, яко челоувѣкъ, младенчески являється,
Пеленами повитъ, в скотскихъ яслѣхъ полагаемъ¹⁰
По ангелъ и архангелъ со страхомъ яко Богъ прославляемъ.
О неизреченное его, Творца нашего, к намъ милосердіе,
Кто не восхождетъ к нему, свѣту Христу, имѣти благое усердіе!

(РГБ. Рогожск. собр. № 657. Л. 12)

¹ В рукописи: рождышаго

² В строке изначально записано «в радости», зачеркнуто, поверхъ вписано «в славе».

³ Последняя строка написана небрежнее и какъ бы отдельно отъ основного текста.

⁴ Текст написанъ несколько небрежнее, сероватыми чернилами, буквицы чернильные, безъ киновари.

⁵ Изначально слово отсутствовало, вставлено с помощью знака «три точки».

⁶ Ис. 7: 14.

⁷ Ср.: Авв. 3: 3.

⁸ Ср.: Великое славословіе (Лк. 2:14).

⁹ В строке «Тому», сбоку рядомъ передъ буквой «Т» добавлена выделенная чернилами буква «Е» («Етому же?»).

¹⁰ После строчки проставленъ знакъ (крестикъ), следующая строка вписана подъ такимъ знакомъ внизу листа.